

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ВЛАСТЬ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
СТРУКТУРЫ
В АРАБСКИХ
СТРАНАХ

история и современность

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

И. Б. Михайлова

РОЛЬ ГОРОДСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ
В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЖИЗНИ БАГДАДА X—XII вв.

В исследованиях последних десятилетий, посвященных социально-политической истории средневекового мусульманского Востока, городское население выступает аморфной массой, лишенной каких бы то ни было социальных или политических организаций. Однако систематическое изучение выступлений городского населения против властей и внутригородских распри показывает, что горожане были не так уж неорганизованны. Тенденция к объединению наиболее отчетливо проявляется в средневековом Багдаде, крупнейшем городе мусульманского востока, столице Аббасидского халифата.

Основной ячейкой социально-политической структуры средневекового города являлся квартал. Багдад был разделен на множество кварталов, число которых до сих пор не удается установить из-за отсутствия каких-либо точных описаний. Главная трудность состоит в нечеткости понятия «махалла» (обычно переводится: квартал), которым средневековые авторы определяли разные части города. В одних случаях махалла действительно обозначает конкретную топографическую единицу — квартал, в других — обширный район, отдельные части которого имеют свои названия и также считаются махалла. Не вполне ясны и принципы поквартальных объединений. По всей вероятности, этнический (или племенной) и профессиональный принцип объединения в кварталы существовал лишь на ранних этапах развития города. Об этом говорит сохранившаяся в источниках топонимика: «махалла ат-тустарин» — квартал выходцев из Тустара, центра шелкоткачества; «махалла ал-'аттабийин» — квартал ткачей, изготовлявших особую ткань «'аттабийин»; «мурабба' ал-каттанин» — квартал торговцев хлопком). Вероятно, впоследствии принципы эти были забыты, поскольку город рос так быстро, за короткий срок занял такую громадную территорию, что соблюсти их было очень сложно¹.

Применительно к X—XII вв., по-видимому, уже вряд ли можно говорить о концентрации торговли и ремесел в определенных кварталах. В Западной части города преобладало торгово-ремесленное население, в Восточной — знать и чиновничество; соотношение незнатной и знатной категорий населения в

каждой из обеих частей оставалось в основном стабильным на протяжении всех исторических периодов существования города.

В отличие от других мусульманских средневековых городов в Багдаде были религиозно однородные мусульманские кварталы. Шииты и сунниты в обеих частях города жили изолированно друг от друга. В Западном Багдаде шииты занимали район Карха к северу и югу от канала Нахр 'Иса; они имели свою соборную мечеть в Бараса. Остальные кварталы были заселены суннитами. Самый крупный из суннитских кварталов Баб ал-Басра издавна считался местом обитания ханбалитов². К X в. Баб ал-Басра расширил свои границы за счет бывшего Круглого города, включив значительную его часть с соборной мечетью ал-Мансура. В Восточном Багдаде был лишь один квартал, Баб ат-Так, населенный шиитами, но к концу XI в. он утратил свою религиозную обособленность³.

Обитатели жилого квартала составляли единую квартальную общину, независимо от того, чем занимались, к какому слою принадлежали, какую веру исповедовали. Как кажется, иноверцы жили бок о бок с мусульманами, хотя свидетельства в пользу этого положения очень скупы⁴. Жизнь квартальной общины складывалась из коллективных работ по благоустройству, охране квартала, восстановлению и поддержанию культовых зданий (мечетей, машхадов), из совместного отправления религиозных обрядов, из общего участия в ритуальных действиях (свадьбы, обрезания, похороны) и праздниках. Для возведения совместных хозяйственных построек нередко объединялись несколько соседних или дружественных кварталов. Так, в 481/1088 г. в строительстве нового моста в квартале Баб ал-Басра приняли участие жители нескольких других суннитских кварталов⁵, а в 517/1124 г. в обновлении стены вокруг Восточного Багдада участвовало все багдадское население поквартирно⁶.

Об управлении кварталами известно весьма мало. Для X—XII вв. имеются сведения лишь о двух квартальных должностях: ра'исе и хаджиб ал-баб. Ра'ис, или староста, стоял во главе квартала, направлял его быт, регулировал внутриквартальные отношения. Вероятно, он был одним из наиболее влиятельных и почтенных жителей своего квартала. Остается неясным, была ли должность ра'иса выборной, или его назначали центральные власти, ибо Багдад, как и любой другой мусульманский город, был лишен какой бы то ни было автономии. Возможно, ра'ис также ведал сбором податей со своего квартала, поскольку известно, что налоги взимались с горожан поквартирно. Более конкретно о деятельности ра'иса в Багдаде сказать не представляется возможным.

Функции «хаджиб ал-баб» (букв. «страж ворот») вообще неясны, но, видимо, хаджиб, весьма почитаемая в квартале личность, был гораздо более значительной фигурой, чем просто сторож.

На упоминаемые источниками в связи с кварталами другие должности — накиб, куди, мухтасиб — центральные власти назначали чиновников, часто чужаков для данного квартала, и жители относились к ним враждебно. Ибн ал-Асир передает, например, что в 487/1094 г. жители квартала Баб ал-Басра убили секретаря-христианина, состоявшего при квартальном накибе (функция его остается неясными). Взбешенный накиб вызвал полицию. Только заступничество халифа спасло Баб ал-Басра от разгрома⁷. Ибн ал-Асир сообщает, что в 494/1100-01 гг. умер кади квартала Баб ал-Азадж, ненавидимый всеми его жителями⁸. Повседневная жизнь кварталов Багдада находилась под неусыпным контролем мухтасибов и их помощников. Они регулировали всю этико-религиозную и хозяйственную жизнь горожан, выступая как представители городской полиции на местах: в кварталах и на базарах. В отличие от периферийных городов, где мухтасибы входили в городскую элиту, в Багдаде они были чиновниками невысокого ранга и не имели значительного политического веса.

На протяжении более чем 200-летнего периода между кварталами Багдада происходили постоянные конфликты, перераставшие порой в затяжные уличные бои. Багдадские кварталы сыграли огромную роль в истории народных движений X—XII вв., несмотря на то что находились под жестким контролем властей, располагавших мощными полицейскими силами.

Источники, как правило, не отражают причин межквартальных разногласий, что создает немалые трудности для уяснения, где социальная, а где чисто религиозная (хотя и обусловленная социально-политическими причинами) в происходивших событиях. По всей вероятности, немалую роль играли разного рода экономические и бытовые проблемы: территориальные претензии, распределение воды и т. п. В этом отношении весьма красноречива история строительства оборонительных стен вокруг кварталов в середине XI в. В последнее десятилетие агонии Буидов Багдад практически остался без защиты и без контроля, поскольку буидский султан ал-Малик ар-Рахим покинул Багдад со своим войском, пытаясь сдержать натиск сельджукских полчищ у границ Ирака. В Багдаде вспыхнула межквартальная война, положить конец которой смогла лишь полиция (шурта), оккупировав Карх. В свете этих событий в 441/1049—50 гг. кархцы начали строить оборонительные стены, чтобы оградить свой квартал от возможных вторжений. Обитатели соседнего квартала ал-Калла'ин последовали их примеру. Вскоре и другие кварталы занялись строительством. Этот процесс размежевания происходил болезненно, часто приводя к острым столкновениям из-за взаимных территориальных претензий⁹.

Не все благополучно обстояло в городе и с водоснабжением. В этом отношении кварталы находились далеко не в рав-

ном положении. Недаром, например, чтобы сломить сопротивление кархцев, им перекрывали воду из Тигра¹⁰.

Однако главная причина распрей заключалась в борьбе за политическое преобладание в городе между двумя религиозно-политическими силами: шиитами и суннитами-ханбалитами. Почти каждое выступление багдадцев носило ярко выраженную религиозную окраску, а история борьбы Карха и Баб-ал-Басра отражала соотношение сил между шиитами и суннитами.

С воцарением Буидов, придерживавшихся шиитских убеждений, Карх стал не только торгово-ремесленным и финансовым ядром города, но и центром антисуннитских выступлений, а к концу правления Буидов он возглавил антиправительственную борьбу багдадского населения, поскольку буидские султаны, занятые междоусобными войнами, не имели возможности и сил на поддержание своей прошиитской политики и бросили Карх на произвол судьбы.

Перед вступлением в Багдад сельджукского султана Тугрил-бека центр политической борьбы переместился в Баб ал-Басра. Ханбалиты, проживавшие в этом квартале, поддерживаемые халифом и его окружением, стали притеснять шиитов Карха. Совершив в течение 440/1048—443/1051 гг. ряд разрушительных набегов на Карх, а в 443/1051 г. разгромив шиитскую святыню — кладбище Баб ат-Тибн, они нанесли шиитам серьезное поражение, как политическое, так и моральное¹¹.

Однако Карх не сложил оружия. На протяжении ста лет он находился в постоянной оппозиции к сельджукским султанам и халифскому окружению. Гражданская война 451/1059 г. в Багдаде, вспыхнувшая в результате мятежа ал-Басасири, бывшего буидского полководца, который выступил под знаменами Фатимидов, показала, что в Кархе сосредоточены значительные антиаббасидские силы, представлявшие реальную угрозу существованию Аббасидской династии. На событиях 1059 г., оказавшихся самой трагичной страницей в истории Багдада за 250 лет, прошедших со времен войны между ал-Амином и ал-Ма'муном, следует остановиться подробнее.

1055—1059 годы были тем временем, когда борьба за верховную власть в государстве Сельджуков была далека от завершения, и Тугрил-бек еще не укрепил своих позиций ни в Ираке в целом, ни в аббасидской столице. Население ал-Джазиры и Ирака, в большинстве своем шииты, было недовольно вторжением Сельджуков, суннитской религиозной политикой новых завоевателей и халифа ал-Ка'има. Фатимидские эмиссары, буквально наводнившие Ирак, вели активную пропаганду в пользу фатимидского халифа. Занятие Багдада сельджукскими войсками привело к дезорганизации хозяйственной жизни города и к разорению части ремесленников и купцов¹². Оставив Багдад в состоянии политического разброда и экономического развала, Тугрил-бек отправился усмирять Ибрахима Йинала, своего брата, поднявшего мятеж в Азербайджане.

Уход сельджукского султана развязал руки ал-Басасири, давно готовившему поход на Багдад. Еще в 447/1055 г. он присягнул фатимидскому халифу ал-Мустансиру и при его содействии поднял мятеж против аббасидского халифа и Сельджуков, поставив перед собой цель отобрать у них столицу халифата. Вступив в союз с мазйадитским правителем Хиллы и Центрального Ирака и укайлидским эмиром, ал-Басасири собрал войско, получил щедрую помощь из Каира и двинулся на Багдад.

Известие о его приближении заставило халифа спешно готовиться к обороне. Войска у него не было, поэтому он приказал переселить жителей Западного Багдада в Восточный и раздать защитникам резиденции оружие из бывшего буидского арсенала. Приказу о переселении подчинились только суннитские кварталы. Карх ждал ал-Басасири. Кархцы встретили его с восторгом и ликованием. Они поносили последними словами халифского везира Ибн ал-Муслиму, ярого ханбалита, славили фатимидского халифа и водрузили на берегу Тигра красное знамя в знак объявления войны всем защитникам аббасидского халифа. Стремясь укрепить союз с кархцами, ал-Басасири стал подстрекать их напасть на Баб ал-Басра. Несколько дней длился погром в этом квартале. Дома приближенных халифа и иноземцев были разграблены. Та же участь постигла дом верховного кади, а судебные архивы, хранившиеся там, были уничтожены. Оставшихся жителей выгоняли из домов на холод, не щадя ни женщин, ни детей. С кличем: «Спешите на благое дело!» — кархцы водрузили в центре Баб ал-Басра белое знамя с именем фатимидского халифа ал-Мустансира. После этого они, влившись в войско ал-Басасири, бросились на штурм резиденции халифа и овладели ею. «Было взято денег, драгоценностей, одежды, жемчуга, яхонтов и прочего (столько), что невозможно подсчитать их стоимость. И обогатились жители Карха, Ирака, арабы и гулямы»¹³, — писал историк XIII в. Сибт Ибн ал-Джаузи.

Целый год ал-Басасири управлял Багдадом от имени фатимидского халифа. В течение этого года 40 раз читалась хутба в честь ал-Мустансира, чеканилась монета с его именем, были приведены к присяге Фатимидам главный кади, главный хатиб, аббасидская и алидская знать. Жизнь в Багдаде этого времени отличалась веротерпимостью и строгим соблюдением законности.

Но в середине декабря 1059 г. ал-Басасири вынужден был покинуть Багдад в связи с приближением армии Тугрил-бека. Значительная часть населения Карха с семьями и имуществом ушла вслед за ним, опасаясь расправы суннитов. Жители Баб ал-Басра действительно жестоко отомстили Карху, разорив его до дна.

В правление Великих Сельджуков (Тугрил-бека, 1055—1063 гг.; Алп Арслана, 1063—1072 гг.; Малик-шаха, 1072—

1092 гг.) ханбалиты Баб ал-Басра были направляющей силой в общественной жизни Западного Багдада. Лишь с конца 1085 г. возобновились столкновения между Кархом и Баб ал-Басра, не прекращавшиеся до 1089 г. В этих распрях инициаторами были обитатели Баб ал-Басра, и властям никак не удавалось призвать их к порядку.

19 сафара 482/4 мая 1089 г. в Багдаде вспыхнуло всеобщее восстание против сельджукских властей, охватившее все слои багдадского общества. Началось оно, как всегда, с инцидента между Баб ал-Басра и Кархом. Ханбалиты похитили несколько кархцев, одного из них убили и поранили остальных. Карх поднялся на мщение. Кархцы закрыли базары, воздели листы Корана на копыя в знак объявления войны и двинулись против Баб ал-Басра. Эта межквартальная война, длившаяся три месяца, привела к многочисленным жертвам. Ханбалиты Баб ал-Басра стали подстрекать население остальных суннитских кварталов повторить погром на кладбище Баб ат-Тибн, но согласия в стане суннитов не было. Население ал-Харбийи и часть хашимитов выступили против подстрекателей, шихне города пытался вооруженной силой пресечь беспорядки, но кархцы не пустили его отряд в Западный Багдад. Халиф направил в Карх манифест, в котором призывал кархцев прекратить борьбу и примириться с суннитами, что также не имело успеха. В багдадском обществе наступил полный разброд. Воздев на копыя кресты, поднялась христианская община. Все воевали против всех.

Не имея возможности справиться собственными силами, халиф вызвал в Багдад войска правителя Хиллы, мазйадита Сайф ад-Даулы. Сайф ад-Даула жестоко подавил восстание; как убежденный шиит, он обрушился в первую очередь на ханбалитов Баб ал-Басра. После этих драматических событий багдадские ханбалиты окончательно потеряли свою политическую силу и боевой дух.

После смерти Малик-шаха в отношениях между шиитами и суннитами произошел коренной поворот. Они объединились перед лицом общего врага — сельджукских претендентов на власть в Багдаде, то и дело осаждавших город. В 488/1095 г. перед вторжением султана Тутуша они заключили перемирие. В этом году был объявлен мир между Кархом и другими кварталами. Шииты и сунниты посещали друг друга, вместе ели, пили, и это было столь необычно, что у некоторых современников вызывало удивление¹⁴. В 496/1101-02 г. все багдадское население единодушно ополчилось против Йинала, эмира султана Мухаммада, терроризировавшего город. С 501/1108 по 509/1116 г. действовало самое длительное перемирие между Кархом и Баб ал-Басра за всю историю суннито-шиитской вражды. Ибн ал-Асир сообщает: «В ша'бана этого года [502 г.] примирились сунниты и шииты Багдада. Зло от их [распри] длилось долгое время. Халифы, султаны и шихне стремились

уладить положение, но это давалось им с трудом, пока не вмешался Аллах великий в это дело другим способом»¹⁵.

Произошло это при следующих обстоятельствах. Жители суннитских кварталов отправились к могиле Мус'аба ибн аз-Зубайра, чего они не делали уже много лет¹⁶. Путь процессии пролегал через Карх, и хотя прежде кархцы всегда враждебно относились к паломникам-суннитам, на этот раз они беспрепятственно пропустили их, проявляя знаки внимания и доброжелательность: окуривали благовониями, подносили холодную воду, провожали благопожеланиями до границ своего квартала. В ту же ночь шииты посетили могилу Мусы ибн Джа'фара¹⁷, и никто из суннитов им не препятствовал.

Таким образом, к началу XII в. борьба между суннитами и шиитами потеряла свой прежний размах и остроту, хотя отчуждение между ними сохранялось еще долго, вплоть до монгольского нашествия, проявляясь в отдельных инцидентах.

Борьба аббасидских халифов за возвращение к власти тесно переплеталась с религиозно-политическим соперничеством квартальных объединений в Багдаде. Почти полвека спустя после завоевания Багдада Буидами халиф ал-Кадир (381/999—422/1031 гг.) предпринял попытку вернуть себе прежний авторитет. В 398/1008 г. ал-Кадир возглавил кампанию, целью которой было сожжение Корана Ибн Мас'уда¹⁸. Это вызвало большое недовольство шиитов Карха. В результате кархцы пошли войной на жителей суннитских кварталов Баб ал-Басра, Баб аш-Ша'ир и Нахр ал-Калла'ин. Халиф призвал для поддержки суннитов буидские войска, и главнокомандующий Амид ал-Джуйуш занял Багдад. Среди шиитов были произведены многочисленные аресты, шиитским факихам запрещались публичные выступления¹⁹. В 401/1010-11 г. халиф обнародовал манифест, осуждавший претензии Фатимидов на происхождение от семьи пророка. Под ним единодушно подписались все факихи Багдада²⁰. Эти две религиозные кампании были направлены на ослабление шиизма. Сближение с ханбалитами, наиболее последовательно отстаивавшими халифский легитимизм, закрепили успехи халифа в борьбе за политическую самостоятельность.

По общему мнению средневековых арабских историков, суннитская (ханбалитская) реставрация началась с 408/1017 г., когда халиф обнародовал свой символ веры, получивший название «кадирийя», в котором осудил догматическую теологию, мутазилизм и шиизм.

Преемник ал-Кадира халиф ал-Ка'им продолжал политику сближения с багдадскими ханбалитами. В 422/1034 г. он возглавил антишиитскую кампанию, подстрекая суннитов на «священную войну» против шиитов. Открытые высочайшей поддержкой ханбалиты стали громить Карх, избивать иудеев, обвиняя их в сообщничестве с кархцами.

Встав на путь укрепления союза с ханбалитами, халиф при-

близил к себе и сделал своим везиром Ибн Муслиму, ханбалитские симпатии которого были общеизвестны. В 443/1051 г. Ибн Муслима возглавил ханбалитов в борьбе против Карха, в которой шииты потерпели поражение, и после разорения квартала и разгрома кладбища Баб ат-Тибн не сумели больше оправиться. Халиф, явно сочувствовавший ханбалитам, вынужден был лавировать и хотя бы формально осудить действия своего везира, так как события 443 г. вызвали недовольство со стороны прошиитски настроенных иракских династий, с которыми халиф искал союза против слабеющих Буидов²¹.

Общность интересов халифа и ханбалитов наиболее отчетливо выявилась в ходе гражданской войны 451/1059 г. Ядро ополчения, собранного халифом для защиты города от наседавших сторонников ал-Басасири, составили ханбалиты во главе с фанатиками, отличившимися в погромах 443/1051 г.

Думается, что последовательно проводимая халифами политика сближения с ханбалитским движением при Сельджуках в конечном счете помогла Аббасидам упрочить духовный авторитет халифов и освободиться из-под влияния завоевателей в светских делах. Играя на религиозных чувствах багдадского населения, халифы смогли использовать городские массы как орудие реставрации Аббасидского халифата, в качестве политически самостоятельного государства, хотя и в весьма скромных границах. Основываясь на этой политике, халифу ал-Мустаршиду удалось создать новую армию в 517/1123–24 г. Эта армия, организованная по принципу народного ополчения, коренным образом отличалась от прежних наемных войск халифов. Сформированная на добровольческих началах, она оказалась дееспособной силой, сумевшей обеспечить почти на столет независимость Багдадскому халифату.

Итак, изучение народных движений в средневековом Багдаде показало, что религиозная окраска большей части выступлений совершенно скрывает их социально-экономические причины, и только аййарское движение имело более определенный социальный характер. Почти в каждом крупном восстании багдадцев активное участие принимала особая группировка горожан, которых называли аййарами²². По социальному составу организация аййаров была неоднородна, но основу ее составляли маломущие и неимущие. В аййарском братстве было немало представителей городского «дна».

Аййары в массе своей были мусульманами, но к предписаниям ислама относились пренебрежительно (не соблюдали сроков поста, пили вино, развратничали). Часть из них считала своим патроном Ахмада ибн Ханбала, другие — Али ибн Абу Талиба.

Впервые аййары упоминаются у ат-Табари под 196/811–12 г. при осаде Багдада армией ал-Ма'муна²³. Они приняли тогда активное участие в обороне города, сражаясь почти голыми руками. Они составляли, по описанию Мас'уди, внушительное

50-тысячное войско, разделенное на отряды в 10, 100, 1000 и 10 000 человек. Во главе каждого подразделения был поставлен военачальник-аййар²⁴. Впоследствии аййары не раз заявляли о себе как социальная сила задолго до прихода Буидов²⁵, а начиная с XI в., к концу буидского правления, они становятся основной действующей силой социальных выступлений с ярко выраженными антиправительственными тенденциями. При малейшем ослаблении власти аййары заметно активизировались. Отрицание богатства и оппозиция к властям были характерными чертами их выступлений. Аййары, как правило, грабили богатых ремесленников, торговцев тканями, пряностями, ювелиров, крупных чиновников. Власти, оберегая имущественные интересы богачей, бросали на подавление аййарских выступлений полицию. Багдадская полиция отличалась от полицейских сил других мусульманских городов. Она состояла в буидское время из двух подразделений — шурты и ма'уны, которые различались по принципам рекрутирования и содержания. В шурту нанимались в основном турки, получавшие жалованье. Ма'уна набиралась из багдадских жителей и, как кажется, не состояла на содержании государства. В сельджукский период основной полицейской силой был гарнизон шихне (-шихнекийя), военного губернатора Ирака и Багдада, которого назначал сельджукский султан.

Аййары с ненавистью относились к шурте и гарнизону шихне, видя в полиции главную причину своих несчастий и неудач, не идя с полицией ни на какие компромиссы. Бывало, что власти пытались вербовать их на службу в шурту или шихнекийю, но всякий раз аййары предпочитали скорее уйти из Багдада, чем запятнать себя такой службой. Так, в 425/1034 г. власти обратились к аййарам с ультиматумом: покаяться и поступить на службу к султану или покинуть город в течение трех дней. Аййары выбрали последнее²⁶. Примечательно, что к ма'уне они относились по-иному, вероятно, потому, что она рекрутировалась из местного населения и поэтому имела тесные контакты с багдадцами. Ма'уна была для аййаров чем-то несравненно более близким и понятным, чем турки из шурты или гарнизон шихне. Аййары охотно шли в ряды ма'уны, присваивая ее функции и средства, шедшие на ее содержание.

Чтобы понять, каково соотношение аййарской группировки с другими объединениями багдадцев и степень влияния ее на социальную жизнь города, следует подробнее остановиться на периодах «аййарской власти» конца X — начала XI в. В 384/994–95 г. аййары квартала Баб ал-Басра под предводительством Азиза захватили власть в Западном Багдаде в суннитских кварталах. Изгнав из города шурту, они открыто выступили против власти султана, способствовали заключению мира между Кархом и Баб ал-Басра и занялись сбором налогов с базаров в свою пользу²⁷. Почти полтора года (415–16/1024–26 гг.) в Багдаде хозяйничали аййары Карха. Также изгнав

шурту, распустив ма'уну, они взяли на себя функции охраны порядка и сбора налогов. Население Карха полностью поддерживало айяров, за что впоследствии было жестоко наказано властями. Когда султанским войскам удалось сломить сопротивление айяров и кархцев, Карх подвергся полному разорению²⁸. В конце 420/1029 г. кархские айяры снова захватили власть. Они подстрекали шиитскую молодежь на восстание против властей, и шиитским шейхам пришлось приложить немало усилий, чтобы оградить Карх от новых репрессий со стороны султанской администрации. Примечательно, что на помощь кархским айярам прибыл под предводительством ал-Маусили отряд айяров из Аваны и Укбары²⁹. Эти два небольших городка близ Багдада, возможно, были базами айярского движения. Туда айяры уходили из Багдада в случаях поражения, там пополняли запасы продовольствия. Амили и кади этих городов не раз подвергались репрессиям со стороны властей за поддержку айяров³⁰.

В 421/1030 г. на несколько месяцев Восточный Багдад попал под контроль айяров под предводительством ал-Бурджамы. Властям удалось нейтрализовать их, заманив на службу в ма'уну³¹. Но уже в следующем году, когда весь город был охвачен смутами, айяры захватили власть в обеих частях Багдада. Такое положение сохранялось до 429/1038 г.

Айярская группировка представляется нам особой организацией багдадского населения, действовавшей самостоятельно под руководством своих вождей, которые не зависели ни от центральных властей, ни от религиозных наставников, ни от квартальных старост. Хотя источники, описывая межквартальные распри, упоминают об айярах Карха и Баб ал-Басра, однако нет достаточных оснований считать, что айяры были в каждом квартале или что они подчинялись старостам, или были выразителями воли жителей того или иного квартала. Айяры охотно ввязывались в разного рода конфликты между кварталами, иногда даже руководили сражениями, но это происходило скорее всего потому, что они были единственной организованной и вооруженной силой в городе.

Айяров использовали как военную силу в своей религиозной борьбе сунниты и шииты. Сунниты опирались на айяров, проживавших в суннитских кварталах, шииты — на кархских айяров. Однако вряд ли можно назвать айяров Баб ал-Басра «ханбалитской полицией», как это делает Ж. Макдиси, лишь на том основании, что они принимали активное участие в ханбалитском движении³², ибо в целом организация айяров не имела четко выраженной религиозной направленности.

Историю организации багдадских айяров можно разделить на два периода. Первый относится к правлению Буидов (конец X — середина XI в.), когда деятельность айяров достигла небывалого размаха и влияние их на багдадцев было огромным. Красноречивым примером тому является популярность

айярского вождя ал-Бурджамы. Жители Восточного Багдада почтительно называли его «ка'ид Абу Али», говорили о нем как о человеке благородном, защитнике женщин и детей. Население даже потребовало произнесения в его честь хутбы без упоминания имен халифа и султана. Впоследствии, когда отряд ал-Бурджамы был разгромлен, а сам предводитель был казнен, народ продолжал требовать, чтобы его имя упоминали в хутбе³³.

Второй период (середина XI — середина XII в.) характеризуется резким спадом активности айяров и некоторым перерождением движения, элементы перерождения наметились еще в предсельджукское время. Так, если раньше айяров поддерживали низшие и средние слои населения, видевшие в них защитников от богачей и властей, то в конце буидского периода айяры стали грабить небогатых ремесленников, лишившись таким образом их поддержки. Это дало возможность разваливающемуся государству Буидов нейтрализовать айяров к 429/1038 г.

В дальнейшем айярское движение все больше обособляется от городских масс, ища покровительства и контактов с влиятельными лицами сельджукской администрации, тем самым окончательно разрывая узы солидарности с горожанами, враждебно относившимися к сельджукскому правлению. В этом изменении ориентации айяров можно усмотреть главную причину политического поражения их движения, конец которому положили события 538/1143—44 г. В этом году султан Мас'уд, вступив в Багдад, расправился с именитыми покровителями айяров, братом своей жены и сыном везира. Большая часть айяров была арестована, лишь немногим удалось скрыться³⁴.

Завершая изложение истории айярского движения, следует подчеркнуть, что айярское братство было вооруженной организацией, лишенной единства. Территориально можно выделить три группировки: две в Западном Багдаде, в Кархе и Баб ал-Басра, и одну в Восточном. В этой разобщенности заключалась, по-видимому, главная слабость их движения. Они действовали разрозненными отрядами, объединяясь лишь в моменты общей для всех багдадцев опасности, например когда Багдаду угрожала осада.

Айяры были единственной группой багдадского населения, выступления которой имели ярко выраженный антиправительственный характер. Однако, захватив власть, они не знали, что делать с нею, и в конце концов итогом поднятого ими восстания было ограбление богачей, чем в народе они снискали себе популярность «благородных» грабителей, защитников слабых.

Итак, в этой статье были рассмотрены три объединения горожан — квартальные общины, религиозно-политические объединения и айярская группировка, — существовавших в Багдаде в X—XII вв. и игравших ведущую роль в социальной жизни города, оказывавших влияние на судьбы династий и на по-

литику властей. В основе формирования этих объединений лежали три фактора: территориальный, религиозный и политический.

Выступления различных группировок багдадского населения, как всякие средневековые движения, отличались стихийностью, импульсивностью, отсутствием ясной программы действий, неспособностью поставить определенные задачи и предвидеть последствия. Главный смысл этих выступлений состоял в решении сиюминутных, ближайших проблем, в облегчении существующих условий жизни и в устранении или наказании виновников сложившегося положения, реальных или мнимых.

¹ Ibn-el-Athiri chronicon quod perfectissimum inscribitur. Ed. C. J. Tornberg. Vol. 1—XIV. Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851—1876 (далее — Камил). См.: Камил, т. X, 1864, с. 231—232.

² Мнение Ж. Макдиси о том, что в IX в. весь Багдад был сплошь ханбалитским, представляется весьма спорным. G. Makdisi. Ibn Aqil et la résurgence de l'Islam traditionaliste au XI-e siècle (V-e siècle de l'Hégire). Damas, 1963, с. 297 (далее — Ибн Акил).

³ Ибн Акил, один из виднейших ханбалитских факихов, считал Баб ат-Так своим родным кварталом.

⁴ У ат-Табари есть описание того, как халиф ал-Мутаваккил приказал повесить на воротах домов зимнев изображения шайтана, чтобы отличить этим дома иноверцев от домов мусульман (см.: Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir at-Tabari cum aliis edidit M. J. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1879—1881, ser. III, t. 3, с. 1390 (далее — Табари)).

⁵ Ibn al-Gauzi. Al-Muntazam fi tarih al-mulūk wa l-umam. Haydarabad, vol. V—X, 1938—40 (далее — Мунтазам). См.: Мунтазам, IX, с. 43.

⁶ Камил, X, 1864, с. 435.

⁷ Там же, с. 163.

⁸ Там же, с. 223.

⁹ Мунтазам, VIII, с. 140—141.

¹⁰ Там же, с. 149.

¹¹ Камил, IX, 1863, с. 394—396.

¹² Мунтазам, VIII, с. 179.

¹³ Sib t Ibn ū l-Cevzi. Mir'atū z-zeman fi tarihi l-āyan yaunlayan Ali Sevim. Ankara, 1968, с. 41.

¹⁴ Мунтазам, IX, с. 87; Камил, X, с. 166.

¹⁵ Камил, X, 1864, с. 329.

¹⁶ Мус'аб ибн аз-Зубайр — герой раннего ислама, сын ближайшего сподвижника пророка аз-Зубайра. Погиб при завоевании Ирака арабами. Могила его была местом паломничества для суннитов.

¹⁷ Муса ибн Джа'фар — седьмой шиитский имам. Похоронен на кладбище Баб ат-Тибн. Могила его была святыней для багдадских шиитов.

¹⁸ Кораническая версия Абдаллаха ибн Мас'уда, одного из ближайших сподвижников Мухаммада, признанного знатока Корана и хадисов, отличалась от канонической версии «Османова Корана» многочисленными разночтениями и отрицанием двух последних сур. Эта версия была взята на вооружение оппозиционными группировками, в первую очередь шиитами.

¹⁹ Мунтазам, VII, с. 237—238.

²⁰ Камил, VIII, 1862, с. 18.

²¹ Камил, IX, 1863, с. 395—396.

²² Подробная характеристика багдадских аййаров дана в статье: И. Б. Михайлова. Организация аййаров в Багдаде X—XI вв.—Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. ПППиКВ. XIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (Доклады и сообщения по арабистике). М., 1978, с. 86—93.

²³ Ат-Табари, сер. I, т. 3, 867—912.

²⁴ Maçoudi. Les prairies d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. T. VI. P., 1871, с. 462.

²⁵ Ат-Табари, сер. III, т. 3, 1552, 1564, 1586—1589 (участие в войне ал-Муста'ина и ал-Му'тазза); Камил, VIII, с. 83; The Experiences of the Nations. by Miskawaihi. Arabic Text. Ed. by H. F. Amedros. Vol. I. Ox., 1920; Мухаммад ибн Абд ал-Малик ал-Хамадани. Такмила тарих ат-Табари. Ал-Матба'ат ал-касулиййа. Байрут, [б. г.], с. 54.

²⁶ Мунтазам, VIII, с. 79.

²⁷ Мунтазам, VII, с. 174.

²⁸ Мунтазам, VIII, с. 22—25.

²⁹ Там же, с. 44—45.

³⁰ Мунтазам, IX, с. 145.

³¹ Мунтазам, VIII, с. 45.

³² См.: Ибн Акил, с. 319.

³³ Мунтазам, VIII, с. 79.

³⁴ Камил, XI, 1851, с. 63; Мунтазам, X, с. 105.